

УДК 328.185(571.6)

DOI <https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-2-76-93>

Елена Викторовна Денисова-Шмидт – доктор наук, приват-доцент кафедры восточноевропейских исследований, Университет Санкт-Галлена, Швейцария, elena.denisova-schmidt@unisg.ch

Анна Алексеевна Соловьева – PhD, научный сотрудник кафедры прикладной эконометрии и оценки политик, Университет Фрибурга, Швейцария, anna.solovyeva@unifr.ch

Субрегиональные различия в отношении к бытовой коррупции на Дальнем Востоке России¹

Аннотация: В данном исследовании рассматриваются различия в опыте столкновения с мелкой коррупцией и отношении к ней жителей четырех крупных городских центров Дальнего Востока России – крупнейшего, но малоизученного макрорегиона страны. Анализируя данные собственного опроса, мы обнаружили, что один субрегион выделяется на фоне трех других, рассматриваемых в исследовании. Жители Республики Саха (Якутия) демонстрируют более негативное отношение к коррупции и реже сообщают о случаях мелкой коррупции. Полученные нами качественные результаты подтверждают существование четкой субрегиональной модели восприятия мелкой коррупции. Мы предполагаем, что обнаруженные различия в установках могут быть обусловлены национальным составом Республики Саха (Якутия), в которой, в отличие от других исследуемых регионов, преобладает коренное население. В дополнение к основному анализу мы изучили условные корреляции между индивидуальными характеристиками и восприятием коррупции (с учетом региона проживания) и выявили несколько интересных паттернов.

Ключевые слова: коррупция, бытовая коррупция, Дальний Восток России, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Приморский край, Амурская область, восприятие коррупции

On Subregional Differences in Attitudes Toward Petty Corruption in the Russian Far East

Elena Viktorovna Denisova-Schmidt – Doctor of Science, Private Associate Professor of the Department of East European Studies, University of St. Gallen, Switzerland, elena.denisova-schmidt@unisg.ch

Anna Alekseevna Solovyova – PhD, researcher at the Department of Applied Econometrics and Policy Evaluation, University of Friborg, Switzerland, anna.solovyeva@unifr.ch

Abstract: This study examines differences in experiences with petty corruption and attitudes toward it among residents of four major urban centers in Russia's Far East, the country's largest but understudied macro-region. Analyzing our own survey data, we find that one subregion stands out from the other three considered in the study.

© Денисова-Шмидт Е. В., Соловьева А. А., 2024

¹ Статья представляет собой авторский перевод работы, опубликованной в журнале «Demokratizatsiya» см. Denisova-Schmidt E., Solovyova A. On Subregional Differences in Attitudes toward Petty Corruption in the Russian Far East// Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization 30: 2(Spring 2022): 187-210. Публикуется с согласия редакции журнала Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization.

Residents of the Sakha Republic (Yakutia) demonstrate more negative attitudes toward corruption and report less frequent occurrences of petty corruption. Our qualitative findings confirm the existence of a distinct subregional pattern in perceived petty corruption. We hypothesize that the detected difference in attitudes may be rooted in the national composition of the Sakha Republic (Yakutia), which, in contrast to the other regions under study, is dominated by native people. As an extension of our main analysis, we explore the conditional correlations between individual characteristics and perceptions of corruption (while accounting for region of residence) and observe several interesting patterns.

Keywords: corruption, petty corruption, Russian Far East, Sakha Republic (Yakutia), Khabarovsk region, Primorsky region, Amur region, perception of corruption

1. Введение

Дальний Восток – крупнейший макрорегион России, занимающий около 40 % всей территории страны. Несмотря на обилие земли и ценных природных ресурсов (более 80 % алмазных запасов России, 40 % золотых запасов, более 50 % лесов, около 20 % нефтяных ресурсов и т. д.), суровый холодный климат, большие расстояния до центральной части страны и отток населения из-за экономических трудностей после распада СССР привели к довольно скудному населению – чуть более 8 млн человек, или 6 % от общей численности населения России. Именно сочетание огромной территории, больших запасов природных ресурсов, малонаселенности и географической близости к развивающимся экономическим державам Азии (Китаю, Корее и Японии) заставило российское правительство признать регион территорией, имеющей особое геостратегическое значение для обеспечения территориальной целостности и безопасности, а также устойчивого социально-экономического развития страны². С начала 2010-х годов правительство реализует комплекс стимулирующих мер, направленных на ускорение социально-экономического развития Дальнего Востока. Несмотря на некоторые положительные экономические тенденции последнего времени, в том числе быстрый рост промышленного производства, население продолжает покидать Дальний Восток. Безусловно, есть несколько фундаментальных и хорошо понятных факторов, таких как высокие цены, неразвитая инфраструктура, низкие доходы и отсутствие экономических перспектив, которые способствуют формированию непривлекательных условий жизни³. Однако, возможно, не были учтены и другие факторы.

Например, хотя коррупция, скорее всего, не является главной причиной убыли населения на Дальнем Востоке, она, безусловно, усугубляет ситуацию. За последние несколько лет Дальний Восток стал местом нескольких громких коррупционных дел с участием губернаторов регионов и мэров городов, а также случаев мошенничества на космодроме Восточный и в различных сферах общественной жизни, в том числе в высшем образовании [2, 8]. Однако лишь немногие работы посвящены изучению общественного мнения и индивидуального опыта участия в коррупции на Дальнем Востоке [4], хотя региональная коррупция в России широко обсуждается в литературе [19, 22, 26]. Наше исследование посвящено изучению опыта и отношения людей к коррупции в их повседневной жизни. Основной исследовательский вопрос, на который опирается данное исследование, заключается в том,

² Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2020. *Resoliutsiia "O prioritnykh napravleniiakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Dal'nego Vostoka"* [Resolution "Priority Areas of Socio-Economic Development of the Far East"], At <http://council.gov.ru/activity/documents/113573/>.

³ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2017. *Indeks razvitiia chelovecheskogo kapitala na Dal'nem Vostoke* [Index of Human Capital Development in the Far East], At <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dalnij-vostok-monitoring-migratsionnoj-situacii>.

существуют ли различия в восприятии мелкой коррупции в разных субрегионах Дальнего Востока [21, 9, 11]. Учитывая размеры территории Дальнего Востока и различия в исторических, культурных и социально-экономических условиях, можно ожидать различий в восприятии. Анализируя данные опроса, проведенного нашей исследовательской группой среди жителей столиц четырех из 11 субъектов Федерации, расположенных на Дальнем Востоке, мы применяем квазиэкспериментальный эконометрический метод (обратное вероятностное взвешивание – inverse probability weighting, IPW) для оценки региональных различий при контроле основных демографических и социально-экономических характеристик респондентов. Анализ открытых вопросов и обсуждений в фокус-группах дополняет наши количественные результаты, предоставляя более широкий контекст.

Помимо того, что мы проливаем свет на восприятие коррупции в этом малоизученном регионе, мы стремимся внести вклад в изучение неформальности в России и за ее пределами [15, 16]. Неформальность – это инновационный подход, направленный на решение проблемы провала антикоррупционных мер и реформ [14]. Он служит «зонтичным термином для обозначения различных социальных и культурных явлений», включая «открытые секреты, неписанные правила и скрытые практики достижения цели» [16]. Задавая вопросы о личном опыте, мы фиксировали практики, следуя логике «языковых игр» Людвиг Витгенштейна [31], использовали язык наших респондентов, такой как «использование связей для решения проблем», «предложение денег ГИБДД, чтобы не платить штрафы» или «получение зарплаты в конверте» – все это на самом деле фаворитизм, взятки и мошенничество, т.е. различные формы коррупции, которую Transparency International (TI) определяет как «злоупотребление доверенной властью ради личной выгоды». Индивидуальные коррупционные практики трактуются как мелкая коррупция (в отличие от крупной) с учетом их контекста и масштаба. В табл. 1 представлен наш подход.

Таблица 1

Язык рядовых граждан в сравнении с классификацией TI

Язык рядовых граждан	Классификация TI
Подарки учителям, врачам и воспитателям в детских садах	~ Подарок
Использование связей для решения проблем	~ Фаворитизм (непотизм/патронаж)
Подделка подписей и документов	~ Мошенничество
Предложение денег работникам ГИБДД вместо штрафа	~ Взятничество
Предложение денег государственным чиновникам	~ Взятничество
Дача денег преподавателям в вузах за зачеты и экзамены	~ Взятничество
Предложение денег за поступление детей в детские учреждения, школы и высшие учебные заведения	~ Взятничество
Получение зарплаты в конверте	~ Мошенничество

Источник: составлено авторами на основе данных Transparency International. 2009. *The Anti-Corruption Plain Language Guide*, At http://www.transparency.org/whatwedo/publication/the_anti_corruption_plain_language_guide, accessed August 30, 2021.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что опыт коррупции и отношение к ней населения различаются по субрегионам Дальнего Востока. В среднем респонденты из Якутска (Республика Саха (Якутия)) имеют более негативное отношение к коррупции и сталкиваются с ней в меньшей степени, чем жители других исследуемых субрегионов (Хабаровский край, Приморский

край и Амурская область). Мы не обнаружили статистически значимых субрегиональных различий в восприятии влияния коррупции на различные аспекты жизни людей (карьерные возможности, качество жизни, будущее детей, здоровье и безопасность), а также во мнениях респондентов о том, можно ли искоренить коррупцию в России. В продолжение нашего основного анализа мы, однако, обнаружили различия в восприятии коррупции в зависимости от пола, возраста, образования, профессионального статуса и группы доходов.

Далее мы подробно описываем наш подход к разработке исследования и сбору данных (раздел 2), выявлению субрегиональных эффектов и анализу данных (раздел 3). Результаты исследования представлены в разделе 4. В разделе 5 приводятся выводы.

2. Дизайн исследования и данные

Опрос был проведен по заказу нашей исследовательской группы в конце лета – начале осени 2019 года группой социологов в четырех региональных столицах Дальнего Востока: Якутске (Республика Саха (Якутия)), Хабаровске (Хабаровский край), Владивостоке (Приморский край) и Благовещенске (Амурская область)⁴. Интервьюеры подходили к потенциальным респондентам в общественных местах, таких как крупные торговые центры, кинотеатры, городские площади, и приглашали их принять участие в опросе о проблемах местного сообщества на условиях анонимности. Такой подход к выборке по принципу удобства не редкость в эмпирических исследованиях, несмотря на его недостатки; в нашем случае он был выбран в связи с ограниченностью ресурсов исследовательского проекта. Интервью длились в среднем около 15 минут и проводились на русском языке.

Всего было опрошено 559 респондентов. В табл. 2 приведены средние значения основных демографических и социально-экономических характеристик по общей выборке и в разбивке по городам. В общей выборке 57 % респондентов – женщины. Молодые люди в возрасте 18–29 лет составляют 45 %, средняя возрастная группа (30–45 лет) – 26 %, а остальные 29 % – люди старше 45 лет. Преобладание в выборке более молодых респондентов объясняется тем, что исследование проводилось в общественных местах со значительным оборотом молодых людей. Около 42 % респондентов состоят в браке, 44 % имеют детей. Уровень образования респондентов достаточно высок: около 60 % имеют высшее образование. Что касается профессионального уровня респондентов, то 39 % – это специалисты или менеджеры, 32 % – рабочие или мелкие предприниматели, а остальные 30 % не работают (среди них пенсионеры, домохозяйки, студенты и безработные). Выборка почти равномерно разделена на три группы по уровню доходов: 30 % имеют довольно низкий доход и могут позволить себе только еду или еду и одежду; 38 % зарабатывают достаточно, чтобы покупать еду и одежду, но почти не покупают товары длительного пользования; а оставшаяся треть включает людей, которые могут позволить себе товары длительного пользования, но не очень дорогие (например, на машину, квартиру и т. д. не хватает), и людей, которые могут позволить себе практически все.

⁴ Опрос также проводился в Комсомольске-на-Амуре, но группа респондентов оказалась нерепрезентативной по отношению к населению города, поэтому мы исключили выборку по Комсомольску-на-Амуре из данного анализа.

Таблица 2

Описательная статистика					
Характеристика	Общая выборка	Якутск	Хабаровск	Владивосток	Благовещенск
Женщины	0,572	0,673	0,634	0,400	0,675
Возраст:					
18–29 лет	0,454	0,257	0,574	0,424	0,475
30–45 лет	0,259	0,406	0,215	0,215	0,275
старше 45 лет	0,288	0,337	0,210	0,362	0,250
В браке	0,418	0,545	0,294	0,439	0,519
Есть дети	0,445	0,670	0,271	0,472	0,525
Высшее образование	0,574	0,838	0,435	0,590	0,550
Профессиональный уровень:					
специалисты или менеджеры	0,386	0,688	0,232	0,391	0,380
рабочие или мелкие предприниматели	0,317	0,156	0,316	0,408	0,316
не работают	0,297	0,156	0,453	0,201	0,304
Доход:					
хватает только на еду или только на еду и одежду	0,300	0,337	0,346	0,284	0,179
достаточный для покупки еды, одежды и практически любых других товаров повседневного спроса	0,379	0,286	0,361	0,409	0,474
могут купить товары длительного пользования и многое другое (группа с высоким уровнем дохода)	0,320	0,378	0,293	0,307	0,346
Размер выборки (N)	559	102	198	179	80

Источник: составлено авторами на основе исследований.

Примечание: пропущенные значения исключены.

Неответы на вопросы были умеренными. Наибольшее количество отсутствующих значений в ответах на вопрос о значении коррупции – до 9,3 % отсутствующих значений для некоторых категорий ответов. Количество отсутствующих значений в других ковариатах меньше и не превышает 3,6 %. В оценках мы вводим бинарные индикаторы для отсутствующих значений в ковариатах, заменяя фактические отсутствующие значения нулями.

3. Идентификация и оценка

В данном исследовании мы попытались оценить субрегиональные различия в опыте и отношении людей к мелкой коррупции, контролируя при этом их основные демографические и социально-экономические характеристики. Оставшиеся субрегиональные различия в результатах, вероятно, обусловлены различиями в политических и культурных условиях в исследуемых регионах. Наша проблема идентификации может быть формально представлена на основе системы потенциальных результатов [24]. Для каждого индивида i в выборке, для $i = 1, \dots, N$, пусть $D \in \{1, 2, \dots, R\}$ обозначает город, в котором проживает индивид. Y_i – это наблюдаемый результат, измеряющий опыт индивида, связанный с коррупцией, или ее восприятие. $\{Y_i^1, Y_i^2, \dots, Y_i^R\}$ обозначает

вектор потенциальных исходов, связанных с каждым индивидом и регионом; это гипотетические исходы, которые были бы реализованы, если бы индивид i переехал в регион $D = 1, 2, \dots, R$ при неизменности всех остальных его характеристик. Для каждого индивида наблюдается только один потенциальный исход – потенциальный исход, связанный с проживанием в текущем регионе (Y_i^D , если $d = D_i$), в то время как все остальные потенциальные исходы являются контрфактическими. Таким образом, влияние проживания в конкретном городе не может быть выявлено на индивидуальном уровне.

Нас интересует *среднее* влияние места проживания (референтного субрегиона) на отношение людей к коррупции. Это соответствует средней разнице в потенциальных исходах Y^1 и Y^d для жителей референтного субрегиона:

$$E[Y^1 - Y^d | D = 1], d \in \{2, \dots, R\},$$

где Y^1 – потенциальный результат при проживании в референтном субрегионе, а Y^d – потенциальный результат для жителей референтного субрегиона (представленного $D = 1$) при проживании в нереферентном субрегионе. Приведенные выше обозначения показывают, что множественные эффекты могут быть оценены в зависимости от того, какой субрегион выбран для потенциального результата Y^d . Это понятие связано с концепцией оценки множественных методов воздействия, ранее рассмотренной в работах Имбенса, Лехнера и Фрёлиха [10, 18, 11]. Для определения интересующих нас средних эффектов воздействия мы опираемся на предположение об условной независимости [17]. Это предположение в данном случае гласит, что все индивидуальные характеристики, связанные с местом жительства и восприятием коррупции, наблюдаемы и могут быть учтены в наших оценках. Это означает, что для каждого индивида в исходном субрегионе $D = 1$ мы можем найти индивидов в одном из других субрегионов, $D = d$, которые идентичны ему по ряду характеристик, так что последние могут служить контрфактическими наблюдениями. Используя X для обозначения всех наблюдаемых индивидуальных характеристик, мы формально сформулируем предположение об условной независимости следующим образом:

$$Y^D \perp D | X \forall d.$$

При таком допущении потенциальный результат проживания в референтном или нереферентном субрегионе (используемом в парных сравнениях) не зависит от фактического проживания после включения в анализ характеристик X для любой подгруппы индивидов, проживающих в референтном или нереферентном субрегионе. Предположение об условной независимости не поддается проверке, но чем богаче набор наблюдаемых характеристик, которые одновременно коррелируют с местом проживания и восприятием коррупции, тем больше вероятность того, что это предположение будет выполняться. Наши оценки содержат ряд индивидуальных социально-экономических и демографических характеристик, которые обычно влияют на выбор места жительства и могут также определять отношение к коррупции.

Еще одно предположение, необходимое для идентификации эффектов, – это общая поддержка, которая подразумевает, что никакая комбинация характеристик X не может идеально предсказать место проживания индивида; другими словами, индивиды с одинаковыми значениями вектора X могут быть найдены в референтном и нереферентном субрегионах. Это гарантирует, что мы найдем сопоставимых индивидов в референтном и нереферентном субрегионах.

$$\Pr(D = 1 | X, D = 1, d) < 1 \forall x \text{ в поддержке } X \text{ и } d \in \{2, \dots, R\}.$$

При двух вышеуказанных предположениях средний субрегиональный эффект для лиц, проживающих в базовом субрегионе, определяется как⁵:

$$\theta^{1d} = E[Y^1 - Y^d | D = 1] = E[Y | D = 1] - E[E[Y | X, D = d] | D = 1] = E[Y | D = 1] - E[E[Y | p^{1d}(x), D = d] | D = 1],$$

$$d \in \{2, \dots, R\}.$$

В приведенном выше выражении $p^{1d}(x) = \Pr(D = 1 | X, D = 1, d)$ обозначает условную вероятность, то есть вероятность проживания в референтном субрегионе с учетом характеристик X в субпопуляции лиц в референтном субрегионе и в одном субрегионе сравнения, определенном d . Розенбаум и Рубин одними из первых продемонстрировали свойство балансировки показателя условной вероятности, поскольку он корректирует различия в X между референтной группой и группой сравнения [23].

Мы применяем обратное вероятностное взвешивание для оценки среднего эффекта, используя команду “teffects” в программе Stata. IPW перевешивает результаты нереперентной группы с помощью обратной величины условной вероятности $p^{1d}(x)$, чтобы достичь баланса в распределении характеристик X между жителями референтного субрегиона и конкретного нереперентного субрегиона:

$$\hat{\theta}^{1d} = \frac{1}{N_{D=1}} \sum_{i=1}^N I\{D_i = 1\} Y_i - \left[\frac{1}{N_{D=d}} \sum_{j=1}^N I\{D_j = d\} Y_j \cdot \frac{\frac{\hat{p}^{1d}(x_j)}{1 - \hat{p}^{1d}(x_j)}}{\sum_{j=1}^N \frac{I\{D_j = d\} \cdot \hat{p}^{1d}(x_j)}{1 - \hat{p}^{1d}(x_j)}} \right],$$

$$d \in \{2, \dots, R\}.$$

В нашем анализе мы выбрали Якутск (Республика Саха (Якутия)) в качестве референтного города ($D = 1$), с которым сравниваются остальные три субрегиона. Республика Саха (Якутия) несколько отличается от трех других субрегионов, поскольку почти половина ее населения состоит из коренных якутов, или народа саха⁶, в отличие от трех других субрегионов, в которых преобладают русские (они составляют почти 90 % населения). Якутск отличается от других регионов тем, что в нем распространены определенные местные особенности и традиции, что влияет на отношение и ценности людей. Поэтому мы ожидаем, что будут существовать различия во мнениях о мелкой коррупции между Якутском и каждым из сравниваемых субрегионов, но мы не выдвигаем гипотез о направлении этих различий.

Расчетные средние эффекты показывают, как в среднем воспринимали бы коррупцию жители Якутска, если бы они были экзогенно перемещены в один из сравниваемых субрегионов, при этом все их характеристики, влияющие на восприятие коррупции, остались бы неизменными.

На первом этапе условная вероятность оценивается на основе мультиномиальной логит-регрессии. Индивидуальные характеристики, входящие в спецификацию мультиномиальной логит-модели, включают пол, возрастную группу, семейное положение, наличие детей, высшее

⁵ Второе равенство следует из 1) предположения 1, подразумевающего, что $E[Y | X, D = d] = E[Y^d | X, D = d] = E[Y^d | X, D = 1]$; 2) предположения 2, подразумевающего, что ожидание $E[Y | X, D = d]$ может быть взято по X при $D = 1$; и 3) закона итерированных ожиданий, подразумевающего, что $E[Y^d | D = 1] = E[E[Y^d | X, D = 1] | D = 1]$. Третье равенство следует из свойства балансировки показателей склонности, предложенного Розенбаумом и Рубином (1983), которые показали, что контроль за $p^{1d}(X)$ асимптотически так же хорош, как и контроль непосредственно за X . [23].

⁶ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). 2010. Всероссийская перепись населения 2010 года. Этнический состав населения по муниципальным и городским округам.

образование, профессиональный уровень и категорию дохода. Далее с помощью обратного вероятностного взвешивания рассчитываются средневзвешенные значения исходов в каждом нереферентном субрегионе. Разница между средним значением по референтному субрегиону и средневзвешенными значениями по каждому нереферентному субрегиону представляет собой средние субрегиональные эффекты.

Чтобы обеспечить достаточную поддержку в распределении X в референтном и нереферентном субрегионах, мы отсекаем наблюдения, для которых значения условной вероятности меньше, чем 0,001, чтобы ни одно наблюдение не получило слишком большой вес⁷. В общей сложности 20 наблюдений (14 из Благовещенска и 6 из Хабаровска) с очень низкими значениями условной вероятности были исключены, в результате чего размер выборки составил 539 единиц. В таблице 6 в Приложении приведены суммарные оценки условной вероятности, демонстрирующие минимальные, средние и максимальные значения.

Поскольку в нашем анализе оцениваются региональные эффекты по ряду итоговых переменных, возникает проблема множественной проверки гипотез, приводящей к увеличению частоты ложных срабатываний, когда некоторые отклонения нулевых эффектов оказываются неверными. Мы применяем процедуру коррекции Бенджамини – Хохберга для контроля ожидаемой доли ложно отвергнутых нулевых гипотез, то есть коэффициента ложного обнаружения (false discovery rate, FDR), к семействам итоговых переменных [3]. Сначала процедура ранжирует отдельные p -значения в порядке возрастания ($P_1 \leq P_2 \leq \dots P_m$). Затем нулевые гипотезы отвергаются для наибольшего p -значения P_i , удовлетворяющего условию $P_i \leq \frac{i}{m} Q$, где i – ранг p -значения, m – общее число тестов (p -значений), Q – выбранный FDR, а все p -значения меньше P_i . Для коррекции Бенджамини – Хохберга мы выбрали довольно консервативный уровень FDR – 0,25, то есть мы готовы принять до 25 % статистически значимых результатов как ложноположительные.

Мы также исследуем условные корреляции между индивидуальными характеристиками и восприятием коррупции при контроле места жительства с помощью множественной линейной регрессии, которая может быть сформулирована следующим образом:

$$Y_{i,j} = \beta_0 + \sum_{k=1}^K \beta_k X_{i,j,k} + \lambda_i + e_{i,j},$$

где $Y_{i,j}$ – результаты, связанные с восприятием коррупции для индивида i в регионе j , $X_{i,j}$ – вектор индивидуальных характеристик, имеющихся в данных, β_k – вектор соответствующих коэффициентов регрессии, λ_i – вектор бинарных переменных для региона проживания, а $e_{i,j}$ – погрешность. Модель линейной регрессии предполагает линейную связь между объясняющими переменными и переменной результата, которая на практике может быть нарушена, поскольку истинная (популяционная) связь между результатом и объясняющими переменными неизвестна. Другое ключевое предположение линейной регрессии гласит, что в составе погрешности нет ненаблюдаемых факторов, коррелирующих с объясняющими переменными, что подразумевает, что никакие ключевые объясняющие переменные (коррелирующие как с другими объясняющими переменными, так и с исходом) не будут пропущены в уравнении. В нашем анализе это означает, что мы можем учесть все переменные, которые одновременно связаны с объясняемыми демографическими и социально-экономическими характеристиками, включенными в оценку (пол, возраст, семейное положение, наличие детей, образование, профессия, доход и регион проживания), и с восприятием коррупции – интересующим нас результатом. Поскольку

⁷ Мы также провели расчеты без отсекаания наблюдений с экстремальными показателями склонности. Полученные эффекты стабильны, их знаки и значимость практически не изменились.

оба указанных предположения линейной регрессионной модели могут быть нарушены, мы осторожно избегаем каузальной интерпретации результатов этого регрессионного анализа при их обсуждении в разделе «Результаты».

4. Результаты

В этом разделе мы обобщаем наши результаты, касающиеся субрегиональных различий в индивидуальном опыте столкновения с мелкой коррупцией и отношении к ней. Прежде чем перейти к обсуждению этих субрегиональных различий, мы продемонстрируем корреляцию между а) косвенным и б) непосредственным опытом столкновения с мелкой коррупцией. Косвенный опыт измерен на основе вопроса о том, как часто, по мнению респондентов, их знакомые и другие жители их города занимаются различными коррупционными практиками (этот вопрос измеряет *воспринимаемую* частоту коррупции в субрегионе). Измерение непосредственного опыта мелкой коррупции базируется на вопросе о практиках, используемых *самими* респондентами (этот вопрос измеряет *фактическую* частоту мелкой коррупции). Мы обнаружили положительную, относительно сильную и статистически значимую корреляцию между ответами на эти два вопроса (табл. 3). Чем чаще респонденты сообщают об использовании конкретных коррупционных практик, тем чаще в среднем они считают, что другие тоже используют эти практики. Действительно, многие эксперименты, проведенные в странах с системной коррупцией, таких как Коста-Рика и Украина, а также в менее коррумпированных странах, таких как США, свидетельствуют о том, что индивидуальная терпимость к коррупции возрастает, если люди верят, что коррупция широко распространена вокруг них [5, 6, 7].

В табл. 4 представлены результаты по субрегиональным различиям в восприятии коррупции и непосредственном опыте участия в ней. В столбце 2 приведены средние значения ответов жителей Якутска (Республика Саха (Якутия)), нашего базового субрегиона. Нескорректированные средние различия между Якутском и тремя другими региональными столицами (Хабаровск, Владивосток и Благовещенск) представлены в столбцах 3–5. Расчетные субрегиональные эффекты (вместе с соответствующими *p*-значениями) представлены в столбцах 6–8; эти эффекты представляют собой различия в результатах между Якутском и каждой из трех оставшихся столиц после корректировки на ковариаты *X* с помощью метода IPW. *P*-значения указаны в скобках под каждой точечной оценкой.

Мы обнаружили статистически значимые региональные различия в опыте людей, сталкивающихся с мелкой коррупцией. В целом, по сравнению с Якутском, жители других региональных столиц в среднем чаще сталкиваются с коррупционными практиками. Почти все различия, о которых говорится в следующих пунктах, статистически значимы на уровне 1–5 %.

Прежде чем перейти к обсуждению субрегиональных различий в некоторых коррупционных практиках, стоит отметить, что среди коррупционных практик, которыми занимаются горожане, два пункта – подарки врачам, учителям и воспитателям и использование связей для решения проблем – отмечаются в среднем гораздо чаще, чем другие практики, такие как подделка подписей, подкуп различных чиновников и получение незадекларированной зарплаты «в конверте» (табл. 4). Это может свидетельствовать о том, что первые два вида коррупционных практик более социально приемлемы и могут даже не рассматриваться как проявления коррупции. На самом деле некоторые исследователи рассматривают дарение подарков врачам и государственным служащим не как мелкую коррупцию, а скорее как неформальные практики, которые часто криминализируются, но являются социально приемлемыми в определенных сообществах. Считается, что такие практики развиваются и распространяются в обществах, где официальные системы не могут функционировать эффективно. Наши

качественные данные свидетельствуют об амбивалентности обеих практик. Например, подарки школьным учителям могут быть частью академической традиции, как, например, букет цветов для учителя в первый день занятий, или же они могут быть предварительным условием для поступления в учебное заведение. Как заметил один респондент, «не купил шубу директору – не поступил [в школу]». Подарки врачам могут предназначаться для ускорения необходимой встречи – «вы приносите врачу коробку конфет и бутылку шампанского за то, что вас приняли раньше других», – а могут быть просто формой благодарности за хорошее лечение или своего рода «предоплатой», чтобы в следующий раз попросить об одолжении. Все это фиксируется как «подарок» в нашем опросе, но очевидно, что они совершенно разные [14].

Что касается предполагаемой частоты коррупционных практик, используемых согражданами, а также самими респондентами, то жители Благовещенска считают, что другие дарят подарки врачам, учителям и воспитателям детских учреждений в среднем чаще, чем жители Якутска (табл. 4). Жители всех трех рассматриваемых субрегионов, по сравнению с респондентами Якутска, чаще сообщают о подкупе согражданами сотрудников ГИБДД и преподавателей, а также о получении ими «конвертной» зарплаты. Эти эффекты статистически значимы на уровне 1 и 5 % и особенно велики в Хабаровске и Владивостоке. Мы также обнаружили, что жители Хабаровска чаще сообщают о подкупе согражданами чиновников (значимо на уровне 5 %) и работников образовательных учреждений (на уровне 1 %).

Сравнивая частоту коррупционных практик, используемых самими респондентами, мы обнаружили, что жители Благовещенска дарят подарки врачам, учителям и воспитателям детских учреждений в среднем чаще (значимо на уровне 1 %), чем якутяне. Жители Хабаровска и Владивостока склонны давать взятки сотрудникам дорожной полиции, другим государственным служащим, преподавателям вузов и других учебных заведений в среднем чаще, чем жители Якутска. Эти различия статистически значимы на уровне до 5 %. Жители Хабаровска также значительно чаще (на уровне 1 %) сообщают о получении «конвертной» зарплаты.

Таблица 3

Матрица парных корреляций воспринимаемого и фактического опыта участия в коррупции

Частота коррупционных практик, используемых другими / респондентом	1	2	3	4	5	6	7	8
Подарки учителям, врачам и воспитателям	0,480*							
Использование связей для решения проблем		0,479*						
Подделка подписей и документов			0,496*					
Предложение денег сотрудникам ГИБДД, чтобы избежать штрафов				0,433*				
Предложение денег государственным служащим					0,399*			
Дача денег преподавателям в вузах за зачеты и экзамены						0,396*		
Предложение денег за поступление детей в детские учреждения, школы и высшие учебные заведения							0,347*	
Получение зарплаты в конверте								0,533*

Источник: составлено авторами на основе исследований.

Примечание: звездочка (*) обозначает статистическую значимость на уровне 1 %.

Таблица 4

Региональные различия в коррупционном опыте

Результат	Реф. значени е Якутск	Нескорректированные различия			Скорректированные различия		
		Хабар овск	Владив осток	Благове щенск	Хабар овск	Владив осток	Благове щенск
Воспринимаемая частота коррупционных практик, используемых другими людьми [1]							
Подарки учителям, врачам и воспитателям	3,526	-0,301	-0,154	0,257	-0,031	0,157	0,614
		(0,050)	(0,325)	(0,136)	(0,882)	(0,483)	(0,006)
Использование связей для решения проблем	3,344	-0,268	-0,446	-0,484	-0,089	-0,337	-0,297
		(0,069)	(0,003)	(0,004)	(0,727)	(0,205)	(0,286)
Подделка подписей и документов	1,674	0,086	0,311	0,110	0,077	0,207	0,082
		(0,511)	(0,024)	(0,475)	(0,686)	(0,318)	(0,703)
Предложение денег сотрудникам ГИБДД, чтобы избежать штрафов	1,667	0,426	0,833	0,140	0,677	0,960	0,471
		(0,003)	(0,000)	(0,399)	(0,001)	(0,000)	(0,034)
Предложение денег государственным служащим	1,691	0,412	0,573	-0,133	0,461	0,376	-0,094
		(0,004)	(0,000)	(0,380)	(0,044)	(0,128)	(0,697)
Предложение денег преподавателям в вузах за зачеты и экзамены	1,581	0,740	0,917	0,084	1,012	1,085	0,369
		(0,000)	(0,000)	(0,563)	(0,000)	(0,000)	(0,015)
Предложение денег за поступление детей в детские учреждения, школы и высшие учебные заведения	1,903	0,558	0,147	-0,199	0,803	0,313	-0,008
		(0,000)	(0,331)	(0,227)	(0,000)	(0,104)	(0,966)
Получение зарплаты в конверте	2,128	0,870	0,469	0,191	1,271	0,687	0,633
		(0,000)	(0,010)	(0,354)	(0,000)	(0,009)	(0,019)
Частота коррупционных практик, используемых самими респондентами [2]							
Подарки учителям, врачам и воспитателям	2,594	-0,326	-0,067	0,443	-0,058	0,071	0,597
		(0,032)	(0,673)	(0,017)	(0,811)	(0,777)	(0,032)
Использование связей для решения проблем	2,263	-0,253	0,022	-0,209	0,055	0,161	0,013
		(0,056)	(0,871)	(0,163)	(0,762)	(0,414)	(0,950)
Подделка подписей и документов	1,526	0,003	0,165	-0,131	-0,197	-0,174	-0,353
		(0,980)	(0,150)	(0,229)	(0,333)	(0,410)	(0,089)
Предложение денег работникам ГИБДД, чтобы избежать штрафов	1,083	0,076	0,603	0,032	0,129	0,459	0,096
		(0,194)	(0,000)	(0,618)	(0,004)	(0,000)	(0,160)
Предложение денег государственным служащим	1,177	0,034	0,270	-0,071	0,134	0,158	0,008
		(0,652)	(0,003)	(0,367)	(0,011)	(0,011)	(0,872)
Предложение денег преподавателям в вузах за зачеты и экзамены	1,083	0,260	0,529	-0,018	0,314	0,409	0,046
		(0,000)	(0,000)	(0,693)	(0,000)	(0,000)	(0,183)

Окончание табл. 4

Предложение денег за поступление детей в детские учреждения, школы и высшие учебные заведения	1,229	-0,033 (0,688)	0,195 (0,042)	0,006 (0,946)	0,112 (0,045)	0,152 (0,010)	0,099 (0,131)
Получение зарплаты в конверте	1,347	0,587 (0,000)	0,402 (0,002)	0,115 (0,370)	0,627 (0,000)	0,252 (0,109)	0,081 (0,607)

Источник: составлено авторами на основе исследований.

Примечание: расчетные коэффициенты эффекта с p -значениями в скобках; результаты варьируются от 1 («никогда») до 5 («систематически»).

Что касается определений коррупции (табл. 5), то стоит отметить, что глубоко негативные синонимы коррупции, такие как «преступление» и «зло», респонденты в среднем выбирают чаще, чем более мягкие определения, такие как «традиция» и «национальная особенность». Таким образом, похоже, существует общее понимание того, что коррупция – это негативное явление. В то же время есть и субрегиональные различия: жители сравниваемых субрегионов в среднем реже считают коррупцию «преступлением», чем респонденты в Якутске (эффекты значимы на уровне 1 и 5 %). Жители Владивостока чаще воспринимают коррупцию как «часть жизни», чем жители Якутска (разница значима на уровне 10 %).

Мы не обнаружили статистически значимых субрегиональных различий в восприятии влияния коррупции на различные аспекты жизни, такие как возможности карьерного роста, качество жизни, будущее детей, здоровье и безопасность. Интересно, что влияние коррупции на карьерные возможности человека оценивается менее негативно, чем ее влияние на другие сферы жизни, что может свидетельствовать о социальной приемлемости коррупционных практик (например, nepotизма, фаворитизма и т. д.) в целях карьерного роста. Кроме того, не выявлено субрегиональных различий во мнениях респондентов о том, можно ли победить коррупцию в России: среднее значение находится примерно на полпути между «да» и «нет».

Для защиты от множественной проверки гипотез мы рассчитали статистику Бенджамини – Хохберга для групп результатов (по вопросам, включенным в опрос), предполагая, что коэффициент ложного обнаружения составляет 25 %. В таблице 8 в Приложении представлены индивидуальные p -значения и критические значения Бенджамини – Хохберга. Результаты процедуры коррекции Бенджамини – Хохберга свидетельствуют о том, что почти все индивидуально статистически значимые коэффициенты действительно значимы.

Таблица 5

Региональные различия в восприятии коррупции

Результаты	Реф. значение	Нескорректированные различия			Скорректированные различия		
	Якутск	Хабаровск	Владивосток	Благовещенск	Хабаровск	Владивосток	Благовещенск
<i>Что для Вас означает коррупция? [3]</i>							
Источник дохода	3,612	-0,379 (0,064)	-0,178 (0,397)	-0,192 (0,425)	-0,297 (0,371)	-0,047 (0,894)	-0,243 (0,521)
Преступление	4,726	-0,065 (0,471)	-0,247 (0,018)	-0,141 (0,178)	-0,248 (0,000)	-0,350 (0,000)	-0,271 (0,001)

Окончание табл. 5

Часть жизни	2,741	-0,056 (0,764)	0,469 (0,018)	-0,196 (0,349)	0,070 (0,804)	0,520 (0,092)	-0,254 (0,405)
Решение проблем	3,598	-0,265 (0,157)	-0,047 (0,80)	-0,274 (0,206)	0,066 (0,824)	0,066 (0,837)	-0,054 (0,872)
Компенсация низких зарплат	3,125	-0,482 (0,012)	-0,167 (0,393)	-0,305 (0,177)	-0,210 (0,523)	-0,204 (0,548)	-0,191 (0,602)
Временная ситуация	2,938	-0,564 (0,002)	-0,204 (0,292)	-0,256 (0,248)	-0,251 (0,368)	-0,018 (0,951)	-0,141 (0,649)
Традиция	2,695	-0,133 (0,473)	0,228 (0,231)	-0,350 (0,100)	0,155 (0,581)	0,384 (0,211)	-0,172 (0,576)
Национальная особенность	2,415	0,015 (0,933)	0,394 (0,031)	-0,091 (0,669)	-0,131 (0,661)	0,081 (0,791)	-0,257 (0,428)
Зло	4,389	0,087 (0,513)	-0,184 (0,212)	-0,010 (0,949)	-0,062 (0,639)	-0,241 (0,122)	-0,198 (0,260)

Как Вы думаете, влияет ли коррупция на следующие аспекты Вашей жизни? [4]

Ваши карьерные возможности	1,875	0,167 (0,178)	0,330 (0,012)	0,046 (0,728)	-0,237 (0,338)	-0,117 (0,648)	-0,247 (0,343)
Качество Вашей жизни	1,917	-0,022 (0,853)	0,202 (0,124)	0,155 (0,300)	-0,072 (0,554)	0,053 (0,718)	0,135 (0,420)
Будущее Ваших детей	1,742	0,086 (0,472)	0,229 (0,073)	0,303 (0,047)	0,098 (0,57)	0,071 (0,696)	0,341 (0,105)
Ваше здоровье	1,787	0,296 (0,013)	0,367 (0,004)	0,335 (0,034)	0,234 (0,233)	0,225 (0,267)	0,286 (0,196)
Вашу безопасность	1,688	0,182 (0,108)	0,320 (0,009)	0,307 (0,038)	0,151 (0,391)	0,131 (0,479)	0,311 (0,136)

Как Вы считаете, можно ли победить коррупцию в России? [5]

2,804	-0,190 (0,205)	-0,386 (0,010)	-0,264 (0,122)	-0,019 (0,929)	-0,139 (0,524)	0,035 (0,879)
-------	-------------------	-------------------	-------------------	-------------------	-------------------	------------------

Источник: составлено авторами на основе исследований.

Примечание: в скобках указаны расчетные коэффициенты эффекта с p -значениями; ответы на результат [3]: 1 («нет»), 2 («скорее нет»), 3 («не знаю»), 4 («скорее да») и 5 («да»); результат [4] варьируется от 1 («очень негативный») до 5 («полностью позитивный»); а результат [5] варьируется от 1 («безусловно нет») до 5 («безусловно да»).

В качестве дополнения к нашему основному анализу мы также изучили условные корреляции между индивидуальными характеристиками и восприятием коррупции (с учетом региона проживания) с помощью множественной линейной регрессии. Далее мы обсуждаем условные

корреляции, которые являются статистически значимыми на уровне 1–5 %. Если рассматривать *воспринимаемую* частоту коррупционных практик, то результаты показывают, что женщины и молодые взрослые более склонны считать, что мелкая коррупция (в виде подарков учителям и работникам детских учреждений) сильно распространена. Лица, занимающие руководящие должности, чаще подделывают подписи и документы. Что касается получения «конвертной» зарплаты, то женщины реже сталкиваются с этой коррупционной деятельностью, в то время как люди с высшим образованием склонны считать ее более частым явлением.

Аналогичная картина наблюдается и при анализе регрессий для фактического (непосредственного) опыта коррупции, что неудивительно, учитывая сильную корреляцию между восприятием и непосредственным опытом коррупции. Среди тех, кто чаще дарит подарки учителям, врачам и работникам детских учреждений, – женщины, молодые люди (18–29 лет) и родители. В то же время женщины реже предлагают деньги при устройстве детей в детские сады, школы и вузы, что несколько удивительно, учитывая традиционные гендерные роли в российских семьях, согласно которым вопросами образования детей чаще занимаются женщины; очевидно, эта задача делегируется отцам или другим посредникам. Респонденты, чьи профессии относятся к категории «синие воротнички, предприниматели или военные», чаще, чем представители других профессий, дают взятки сотрудникам ГИБДД, чтобы избежать уплаты штрафов.

Что касается получения «конвертной» зарплаты, то женщины реже сталкиваются с этой практикой, в то время как лица из группы с низким уровнем дохода чаще получают зарплату таким образом. Стоит отметить, что включенные индивидуальные демографические и социально-экономические характеристики, а также регион проживания респондента объясняют лишь от 5 до 10 % вариации воспринимаемой частоты коррупционных практик и от 6 до 20 % вариации фактической частоты коррупционных практик, что означает, что 80–95 % вариации этих итоговых переменных обусловлены не наблюдаемыми в наших данных факторами.

Если проанализировать условные корреляции для определения значения коррупции, то женщины реже определяют ее как источник дохода. Молодые люди, по сравнению с другими возрастными группами, значительно реже воспринимают коррупцию как часть жизни или традицию и чаще определяют ее как преступление, а взрослые в возрасте 30–45 лет и люди с высокими доходами реже считают коррупцию компенсацией за низкую зарплату. Если рассматривать профессиональные и доходные группы, то менеджеры и люди с низким доходом чаще принимают коррупцию как часть жизни, а взгляд на коррупцию как на национальную особенность чаще разделяют работающие люди, чем те, кто не работает. Респонденты с высшим образованием реже называют коррупцию «злом», чем люди с другим уровнем образования. Мы не обнаружили статистически значимых корреляций между индивидуальными характеристиками и воспринимаемым влиянием коррупции на различные сферы жизни людей, за исключением того, что люди с высшим образованием оценивают влияние коррупции на будущее своих детей более негативно, чем люди с низким уровнем образования. Что касается значения коррупции и ее предполагаемого воздействия, то включенные регрессоры объясняют очень небольшую долю вариации – в среднем 5 и 3 % соответственно.

Наконец, мы анализируем информацию, предоставленную респондентами в двух открытых вопросах, содержащихся в опросе, и в шести обсуждениях в фокус-группах. Качественные результаты призваны дополнить количественные данные и обеспечить значимый контекст. Один из первых вопросов, включенных в опрос (до вопросов о коррупции), был открытым, в нем респондентов просили назвать наиболее волнующие их местные проблемы. Если такие проблемы, как плохое состояние дорог (низкое качество, узкие дороги, пробки, отсутствие парковочных мест и

т. д.), неэффективность транспортных систем, коммунальных услуг и инфраструктуры (состояние дворов, подъездов, городских пространств, грязь и мусор на улицах и т. д.), а также высокие цены при низких зарплатах, возглавляют список наиболее часто упоминаемых местных проблем во всех четырех субрегионах, то коррупция упоминается гораздо реже (от 1 до 5 человек в каждом субрегионе), уступая экологическим и климатическим проблемам, но сравниваясь по частоте с проблемами в системах здравоохранения и образования. Таким образом, жителями субрегионов – участниками опроса коррупция не выделяется как особо острая проблема.

В конце опроса был задан еще один открытый вопрос – о текущей ситуации с коррупцией и последних коррупционных делах в городе и регионе респондента. Значительная часть респондентов (около 40–50 %) либо не ответила на этот вопрос, либо дала несодержательные ответы («предпочитаю не думать об этом», «не слежу за этой темой», «неинтересно» и т. д.). Среди респондентов, давших информативные ответы на этот вопрос, большинство отметили наличие коррупции в стране и регионе и продемонстрировали негативное отношение к ней и к коррумпированным чиновникам. Также мы наблюдаем повторяющийся нарратив (среди меньшинства респондентов) о живучести и непобедимости коррупции и скептическое отношение к борьбе с ней; такие мнения были зафиксированы в каждом из четырех субрегионов.

Интересно, что в двух субрегионах мы отмечаем несколько разных нарративов, упомянутых респондентами. В Хабаровске в пяти из 100 содержательных ответов прозвучало, что уровень коррупции в крае либо ниже, чем в других регионах страны, либо снижается. В Якутске из 58 человек, давших содержательные ответы на этот открытый вопрос, четверо респондентов указали на избирательный характер расследования коррупционных дел; как сформулировал один из них, «коррупционные дела возбуждаются, когда есть необходимость избавиться от “неудобных” людей». Кроме того, несколько респондентов, а также участники фокус-групп в Якутске упомянули о проблеме, тесно связанной с коррупцией – о *кумовстве*, которое изначально было традиционной системой государственных назначений высокого уровня, основанной на дворянской иерархии клана. Сегодня это слово приобрело более широкое значение, охватывающее выбор и продвижение государственных чиновников, основанные в основном на кумовстве. Как отметил один из участников фокус-групповой дискуссии в Якутске, «эта проблема повсеместно существует в национальных республиках; взять, к примеру, Татарстан, Чечню, Северный Кавказ, Якутию – везде одно и то же: клановость, родственники, все они вместе стоят у власти». Действительно, хотя официально считается, что государство предоставляет равные возможности всем гражданам, на самом деле в некоторых регионах этническая принадлежность может иметь решающее значение. Однако принадлежность к национальному и/или религиозному меньшинству может быть амбивалентной: это может быть преимуществом (вспомните о преобладании якутов и татар в местных органах власти), но может быть и бременем (некоторые потенциальные кандидаты даже меняют фамилии, чтобы скрыть свое происхождение) [25, 28].

5. Обсуждение и выводы

В данной статье рассматриваются региональные различия в опыте участия в мелкой коррупции и ее восприятии жителями столиц четырех субрегионов Дальнего Востока России. Для учета различий в индивидуальных характеристиках респондентов, таких как пол, возраст, семейное положение и наличие детей, образование, профессиональный уровень и группа доходов, которые могут повлиять на подверженность коррупции, мы использовали метод обратного вероятностного взвешивания. После того как жители разных субрегионов будут сопоставимы по этим характеристикам,

оставшиеся различия в опыте и восприятии коррупции, скорее всего, будут связаны со специфическими культурными, социальными, политическими и экономическими условиями в этих субрегионах.

Мы обнаружили существенную неоднородность в интересующих нас результатах по рассматриваемым субрегионам даже после корректировки на фоновые характеристики. Жители Якутска (Республика Саха (Якутия)) более критично относятся к понятию коррупции и реже отмечают случаи предполагаемой коррупции (т. е. коррупции со стороны знакомых и сограждан), а также собственного опыта мелкой коррупции по сравнению с жителями трех других субрегионов. В то же время не обнаружено статистически значимых субрегиональных различий в восприятии влияния коррупции на различные сферы повседневной жизни, такие как возможности карьерного роста, качество жизни, будущее детей, здоровье, безопасность, а также во мнениях респондентов о том, можно ли искоренить коррупцию в России. Дальнейшее изучение условных корреляций между восприятием коррупции и индивидуальными характеристиками выявляет различия в частоте коррупционных практик и определениях коррупции в зависимости от пола, возраста, образования, профессионального статуса и группы доходов.

Ограничение данного исследования заключается в том, что мы не можем использовать наши данные для того, чтобы заглянуть в «черный ящик» причинно-следственных механизмов и тем самым объяснить, почему респонденты в Республике Саха (Якутия) более критично относятся к понятию коррупции и реже сообщают о случаях предполагаемой коррупции, а также о собственном опыте мелкой коррупции, чем жители трех других субрегионов. Наши данные не позволяют нам контролировать какие-либо дополнительные факторы, потенциально связанные с отношением к коррупции, такие как этническая принадлежность респондента, религия [20] или титульный язык.

Учитывая отличия национального состава Республики Саха (Якутия) от трех других рассматриваемых регионов, эти неконтролируемые факторы могут оказаться решающими для объяснения региональных различий в отношении к коррупции. Одна из возможностей, на которую мы намекнули в качественной части нашего исследования, заключается в том, что в Якутии для решения проблем вместо более известных форм коррупции, таких как взяточничество, используются клановость и коренные связи. В качестве альтернативы некоторые ученые и практики обсуждают роль «гражданского национализма» в снижении уровня коррупции [30]. В своей спорной статье де лас Касас утверждает, что националистический менталитет может снизить уровень коррупции двумя способами: «если бюрократы в высшей степени националистичны, они также более чувствительны к любому ущербу для общества и менее склонны злоупотреблять государственными должностями», а националистически настроенная общественность «с меньшей вероятностью примет коррупцию в правительстве» [12].

Что касается языкового вопроса, то наш опрос проводился на русском языке, но якутский язык также широко используется в повседневной жизни в Республике Саха (Якутия). Отказ от использования титульного языка означает, что мы, вероятно, не смогли уловить некоторые особенности коренного населения [1, 29, 27]. В первых двух томах *Encyclopaedia of Informality* [14] на соответствующих титульных языках (не русском) представлены лишь некоторые неформальные практики коренных народов, в том числе *adat* в Чечне и *ch'ir* в Чечне и Ингушетии. Будущие исследования должны учитывать этот возможный языковой вопрос и обеспечить привлечение местного персонала для проведения интервью на родном языке (языках).

Несмотря на эти ограничения, исследование показывает, что федеральные политики должны изучать и учитывать региональный контекст при разработке и проведении антикоррупционной политики и кампаний. Аналогичным образом региональные власти должны учитывать местные условия при инициировании антикоррупционных кампаний и принятии политических мер, которые оказались

успешными в других регионах страны. Если население некоторых регионов достаточно осведомлено о проблеме коррупции и относится к коррупционным практикам с пониманием, политики могут сэкономить ресурсы, отказавшись от проведения кампаний по повышению осведомленности и направив свои усилия на другие антикоррупционные мероприятия. Кроме того, в регионах могут существовать различия в преобладающих формах коррупции на высоком уровне, что также должно учитываться федеральными властями. Например, как мы выяснили, *местничество* (разновидность nepotизма) и случаи выборочной коррупции более распространены в Республике Саха (Якутия), чем в других субрегионах Дальнего Востока. Другой тип неоднородности заслуживает более пристального изучения как учеными, так и практиками, — это неоднородность различных неформальных практик. Наше исследование показывает, что подарки врачам, учителям и воспитателям детских садов, а также использование личных связей более распространены, чем другие формы мелкой коррупции. Лицам, принимающим решения, следует более внимательно изучить причины, по которым в детские сады, школы, больницы и другие учреждения приносят так много подарков, и попытаться изменить контекст — например, путем создания более доступных детских садов, увеличения субсидирования средних школ и больниц, чтобы ученики продолжали приносить цветы учителям в первый день занятий (1 сентября) как дань традиции и не использовали подарки вместо государственной финансовой поддержки, а пациенты дарили подарки только в знак благодарности после успешного лечения, а не для получения доступа к медицинским услугам. Более того, возможно, с мелкой коррупцией вообще не стоит бороться (по крайней мере в данный момент) — это та ситуация, когда меньше значит больше. Если население гораздо больше волнует качество дорог и дороговизна жилья, то именно на этих вопросах должны сосредоточиться те, кто принимает решения, и другие специалисты-практики.

Благодарности

Мы благодарны Мартину Хуберу, Эльвире Леонтьевой и двум анонимным рецензентам за комментарии к предыдущим версиям этой статьи. Данное исследование было проведено при финансовой поддержке Центра исследований управления и культуры в Европе при Университете Санкт-Галлена (GCE-HSG), Швейцария. Спонсор не влиял ни на дизайн исследования, ни на интерпретацию результатов.

Список литературы

1. Ethnicity and Trust: Evidence from Russia / Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., Wilson R. // The American Political Science Review 99. 2005: 4: 521–532.
2. Barsukova S., Denisova-Schmidt E. 2021. Double Standards as Modus Operandi: Mixing Business and Politics in Russia // Europe-Asia Studies. 74(6): 990–1005.
3. Benjamini Y., Hochberg Y. 1995. Controlling the False Discovery Rate: A Practical and Powerful Approach to Multiple Testing // Journal of the Royal Statistical Society. Vol. 57: 289–300.
4. Blyakher L. 2019. Regions in Search of a Violent Entrepreneur // Demokratizatsiya : The Journal of Post-Soviet Democratization 27: 1: 51–74. URL : muse.jhu.edu/article/715965.
5. Corruption as a Self-Fulfilling Prophecy: Evidence from a Survey Experiment in Costa Rica / Corbacho A., Gingerich D.W., Oliveros V., Ruiz-Vega M. // American Journal of Political Science 60. 2016: 4: 1077–1092.
6. Denisova-Schmidt E., Huber M., Prytula Y. 2015. An Experimental Evaluation of an Anti-Corruption Intervention among Ukrainian University Students // Eurasian Geography and Economics 6: 713–734.

7. Denisova-Schmidt E., Huber M., Prytula Y. 2019. The Effects of Anti-Corruption Videos on Attitudes toward Corruption in a Ukrainian Online Survey // *Eurasian Geography and Economics* 60: 3: 304–332.
8. Combining Experimental Evidence with Machine Learning to Assess Anti-Corruption Educational Campaigns among Russian University Students / Denisova-Schmidt E., Huber M., Leontyeva E., Solovyeva A. // *Empirical Economics* 60. 2021: 1661–1684.
9. Donchev D., Ujhelyi G. 2014. What Do Corruption Indices Measure? // *Economics & Politics* 26: 2: 309–331.
10. Frölich M. 2004. Programme Evaluation with Multiple Treatments // *Journal of Economic Surveys* 18: 181–224.
11. Gutmann J., Fabio Padovano F., Voigt S. 2020. Perception vs. Experience: Explaining Differences in Corruption Measures Using Microdata. // *European Journal of Political Economy* 65, 101–125.
12. Gustavo de las Casas. Is Nationalism Good for You? // *Foreign Policy*. October 8, 2009. URL : <https://foreignpolicy.com/2009/10/08/is-nationalism-good-for-you>
13. Imbens G. W. 2000. The Role of the Propensity Score in Estimating Dose-Response // *Biometrika* 87: 3: 706–710. URL : <https://www.jstor.org/stable/2673642>.
14. Ledeneva A. 2017. The Ambivalence of Favour: Paradoxes of Russia's Economy of Favours // David Henig and Nicolette Makovicky, eds. *Economies of Favour after Socialism*. Oxford : Oxford University Press.
15. Ledeneva A. 2018. The Global Encyclopaedia of Informality. London : UCL Press. Vol. I.
16. Ledeneva A. 2018b. The Global Encyclopaedia of Informality. London : UCL Press. Vol. II.
17. Lechner M. 1999. Earnings and Employment Effects of Continuous Off-the-Job Training in East Germany After Unification // *Journal of Business & Economic Statistics*. 17: 1: 74–90.
18. Lechner M. 2001. Identification and Estimation of Causal Effects of Multiple Treatments under the Conditional Independence Assumption // Michael Lechner and F. Pfeiffer, eds., *Econometric Evaluation of Labour Market Policies*. Heidelberg: Physica.
19. Libman A., Kozlov V. 2013. Sub-National Variation of Corruption in Russia: What Do We Know About It? // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia* 2: 2: 153–180.
20. Maj E. 2012. Internationalisation with the Use of Arctic Indigeneity: The Case of the Republic of Sakha (Yakutia), Russia // *Polar Record* 48: 3: 210–214.
21. Mocan N. 2008. What Determines Corruption? International Evidence from Microdata // *Economic Inquiry* 46: 4: 493–510
22. Rose R., Mishler W. 2010. Experience versus Perception of Corruption: Russia as a Test Case // *Global Crime* 11: 2: 145–163.
23. Rosenbaum P. R., Rubin D. B. 1983. The Central Role of the Propensity Score in Observational Studies for Causal Effects // *Biometrika* 70: 1: 41–55.
24. Rubin D. B. 1974. Estimating Causal Effects of Treatments in Randomized and Nonrandomized Studies // *Journal of Educational Psychology* 66: 5: 688–701.
25. Sharafutdinova G. 2015. Elite Management in Electoral Authoritarian Regimes: A View from Bashkortostan and Tatarstan // *Central Asian Affairs*, 117–139.
26. Schulze G., Sjahrir S. B., Zakharov N. 2016. Corruption in Russia // *Journal of Law and Economics* 59: 1: 135–171.
27. Solovyeva V., Kuklina V. 2020. Resilience in a Changing World: Indigenous Sharing Networks in the Republic of Sakha (Yakutia) // *Polar Record* 56.
28. Stuart C. 2019. Diversifying the Super-Rich: Forbes-Listed Russians from a Muslim Background // Peter J. S. Duncan and Elisabeth Schimpfössl, eds. *Socialism, Capitalism and Alternatives: Area Studies and Global Theories*. London : UCL Press, 33–48.
29. Tsakhirmaa S. 2020. Comparative Ethnic Territorially Based Autonomy in Tatarstan, Bashkortostan, and Yakutia of Russia: An Analytical Framework // *Nationalities Papers* 48: 5: 891–914.
30. Walton G. W. 2021. Can Civic Nationalism Reduce Corruption? Transnational and Translocal Insights from Solomon Islands // *Political Geography* 89.
31. Wittgenstein L. 2020. *Philosophische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.